Текст · 1 сентября 2023, 12:08
Уэнделл Стивенсон,

«Обстрелы почти каждый день». Как в Сумской области беженцы прорываются из России в Украину

В самом начале полномасштабного вторжения, в феврале 2022 года, Украина закрыла пропускные пункты на границах с Россией. Но неподалеку от города Сумы с первых месяцев войны действует переход, по которому украинские беженцы могут напрямую попасть из одной страны в другую. Сейчас это единственный подобный переход, по которому из России можно перебраться в Украину, минуя Евросоюз и третьи страны. Но путь этот неимоверно тяжелый, узнала корреспондент *Economist* Уэнделл Стивенсон. «Медиазона» публикует перевод ее репортажа из Сумской области.

В апреле 2022 года после отступления российской армии из Киевской области Дима, мужчина за сорок с суровыми голубыми глазами, вместе с несколькими приятелями собрал волонтерскую команду. Они назвали ее «Плуритон» — в честь компании одного из членов команды. Волонтеры решили отправиться на восток Украины, в Донбасс, где Россия готовилась к очередному наступлению. Там они помогали людям, оказавшимся под обстрелами в прифронтовых городах, спасали брошенных собак и эвакуировали тех, кто был готов уехать.

Два месяца спустя Дима и еще двое людей работали недалеко от фронта, когда украинские солдаты велели им срочно разворачиваться и уезжать в безопасное место. Команда приняла «опрометчивое

решение», как с горькой иронией говорит Дима, поехать по проселочной дороге. У них пробило шину, и вскоре они оказались окружены 30 российскими солдатами.

Мужчин задержали и отправили в луганскую тюрьму. Их даже показали по российскому телевидению, но, по счастливому стечению обстоятельств, родственник одного из волонтеров занимал пост в администрации Луганска, и еще через два месяца их отпустили. Мужчины нашли приют у знакомых. Они хотели вернуться домой, но в плену у них конфисковали часть документов, так что самый простой путь — через Россию в Европу и уже оттуда в Украину — им не подходил.

Тогда они наняли водителя, который должен был перевезти их через линию фронта, но не нашли КПП, который бы их пропустил. Наконец, уже в январе, они узнали, что путь есть. Нужно было на такси пересечь границу с Россией, а потом вернуться в Украину рядом с городом Сумы на севере страны. Здесь находится неприметная неофициальная граница между двумя воюющими странами. Если повезет, российские солдаты их пропустят.

* * *

В самом начале полномасштабного вторжения, в феврале 2022 года, Украина официально закрыла пропускные пункты на границах с Россией и Беларусью. Тем не менее в первые месяцы войны украинцы, бегущие от российской оккупации, могли пересечь линию фронта в нескольких местах, хотя это было рискованно: их могли

не пропустить российские пограничники, к тому же там можно было попасть под обстрел.
После успешного контрнаступления осенью 2022 года, когда украинская армия освободила большие территории на востоке, последние из этих путей, возле Запорожья, были перекрыты. Город Сумы, расположенный неподалеку от границы с Россией, остался единственным местом, где украинцы могли попасть в Украину из оккупированных врагом районов.

Переход в Сумах открыли в первые месяцы вторжения как гуманитарный коридор, через который стороны могли обмениваться военнопленными и телами солдат. По не очень понятным причинам россияне иногда разрешали пересекать здесь границу гражданским.

Роман, сотрудник пресс-центра при пограничной службе Сумского района, объяснил, что переход — это обычная гравийная дорога длиной в пару километров. Местность там открытая, так что дорога хорошо просматривается с обеих сторон. Пройти по ней могут только украинцы, покидающие Россию. Это не официальный КПП, но украинские пограничники не разворачивают собственных граждан.

Большинство украинцев, которые хотят покинуть оккупированные области, выбирают кружные пути: либо на юг — через Крым, либо на восток — через Донецк. Потом они должны пересечь юг России и Кавказские горы, чтобы попасть в Грузию, или сделать еще один круг и добраться до Европы через Беларусь или страны Балтии. На выездах с оккупированных территорий

— множество российских блокпостов. Солдаты проверяют телефоны, берут отпечатки пальцев и допрашивают беженцев. Люди сообщали о досмотрах, во время которых их заставляли раздеваться — пограничники искали патриотические татуировки, а еще о побоях, об ожидании, которое может длиться много часов или даже дней. Есть свидетельства о разделенных семьях, об арестованных или просто исчезнувших людях.

Многие путешествуют на машине, но есть и автобусные компании, которые предлагают маршруты из оккупированных областей Украины в разные европейские страны. Стоит это, если верить рекламе в телеграме, от 250 до 450 долларов. Одна из компаний, *Lux Express*, предлагает 50-процентную скидку для детей до 12 лет, а еще горячие напитки, еду, вайфай и удобные кресла. Точки назначения — Варшава, Прага и несколько немецких городов. Каким-то невероятным образом предлагаются даже рейсы из оккупированных Донецка и Мариуполя прямо в Киев и Харьков. (На самом деле пассажиров довозят до границы и потом подбирают с другой стороны.)

Телеграм-каналы забиты вопросами о том, какие документы нужны на разных маршрутах. У некоторых людей есть только внутренние украинские паспорта, которые не подходят для путешествий за границу. У кого-то вообще нет документов. В этих случаях украинские власти подтверждают личность граждан, используя самые разные государственные базы. Один раз, как вспоминает Роман, личность мужчины подтвердили по штрафу за превышение скорости.

Беженка из Сумской области в Киеве. Фото: Oleksii Chumachenko / SOPA Images

Переход рядом с Сумами не очень известен. В день здесь пересекают границу от 50 до 150 человек, многие из них — пожилые женщины. Часто при нехватке документов на российском блокпосту достаточно подмигнуть и всучить деньги. А, например, Вове, одному из волонтеров, застрявших в Луганске, удалось убедить пограничника пропустить его без документов с помощью фрагмента телепередачи, где их с коллегами показывают как пленных. Но гарантий такого снисходительного отношения нет. Виталий, еще один волонтер «Плуритона», рассказал о мужчине, который умолял жену и ребенка двигаться дальше, хотя его самого избили и задержали: «Он просто хотел, чтобы его близкие оказались в безопасности».

Чтобы пройти через российские и украинские блокпосты, иногда нужно выдержать несколько

часов допросов. Новоприбывшие часто оказываются на украинской земле ночью, измученные, без какого-либо плана. Автобусы, которые должны были их ждать, давно уехали, оставив пассажиров на милость таксистов, заламывающих безумные цены за то, чтобы проехать 40 километров до Сум.

Этой весной волонтеры «Плуритона» организовали бесплатные трансферы от границы к шелтеру в Краснополье, деревне в Сумской области. Там беженцам наливают чай, дают поесть и место для ночлега. Часто волонтеры перенаправляют людей в другие организации, которые помогают им, например, зарегистрироваться в базе для получения пособий, медицинского обслуживания и жилья.

В конце мая, когда Русский добровольческий корпус и легион «Свобода России» совершили рейд по югу России, российские пограничники перестали пускать машины. Теперь нужно идти пешком — непростое упражнение для тех, кто нездоров, тащит детей или багаж. Катарина, одна из волонтерок «Плуритона», показала нам видео, на котором женщину тянут по этой каменистой тропе на инвалидной коляске с пробитым передним колесом. «А эта женщина, — говорит она, показывая фотографию старушки, лежащей на стопке одеял, — идти не могла». Дочки положили деревянную доску на детскую коляску и на этой конструкции провезли мать через «серую зону».

В июне и июле Россия стала чаще обстреливать деревни и города рядом с Сумами. Несколько раз люди, пересекавшие границу пешком, прятались от снарядов в канавах. «Обстрелы почти каждый день», — говорит Роман.

На встречу с нами он пришел с похорон коллеги. По словам Романа, российские диверсионные группы постоянно проникают в приграничные районы. В июне микроавтобус с шестью людьми попал в засаду, их всех убили. «Тут много таких случаев», — говорит Роман.

* * *

За три дня до моего приезда волонтеров «Плуритона» заставили закрыть шелтер в Краснополье: российская артиллерия била слишком близко. Когда я встретилась с ними 22 июля, они переделывали под приют заброшенный торговый центр в Сумах. Тем вечером, около полуночи, я наблюдала, как беженцы выбираются из микроавтобуса. Они несли рюкзаки и пакеты, у некоторых были чемоданы на колесиках. Они были в шортах и сандалиях, с грязными от ходьбы по мокрой земле ногами — в тот день шел дождь.

У одной женщины была большая собака, волонтеры начали обсуждать, куда ее приткнуть на ночь, но хозяйка замотала головой: она отказывалась расставаться с питомцем. Женщина из Олешек — города под российской оккупацией в дельте Днепра, который был полностью затоплен после взрыва на Каховской ГЭС, — несла на руках младенца.

Волонтеры отвели их в приют, дали чай и поесть: суп, рис, салат из огурцов в пластиковых тарелках.

Многие из прибывших месяцами жили под обстрелами, видели, как исчезает их имущество, разрушаются дома. Юлия, высокая женщина за сорок с длинными темными волосами и узким лицом, уехала из Олешек с мужем и десятилетней дочерью. В ее дом попал снаряд в конце прошлого года, затем умерла мать — в том числе, как считает Юлия, из-за постоянного стресса. После того как в начале июня была разрушена дамба, ее дом затопило, потом уже в ее новую квартиру попал снаряд, а муж был ранен осколком в живот. Через три дня в квартиру снова прилетел снаряд.

«Врачи отказываются лечить, если нет российского паспорта, — говорит она, с трудом сдерживая эмоции. — Нельзя позвать скорую или пожарных. Дома, в которые попали снаряды, просто сгорают дотла. Иногда электричества нет неделю подряд». Она так долго не уезжала, потому что не хотела оставлять своих животных и боялась, что мужа не пропустят через российские блокпосты.

Большую часть города затопило после подрыва дамбы, жители вынуждены были прятаться на крышах домов. Юлия знала людей, которые за деньги собирали трупы и хоронили их в черных пакетах в братской могиле: «Многие до сих пор не могут найти своих родственников».

Волонтеры отмечают разницу между теми, кто приехал из Херсонской и Запорожской областей, которые были частично оккупированы в прошлом

году, и теми, кто приехал из так называемых ЛНР и ДНР. Первые оказались более разговорчивыми. Те же, кто оставался под властью сепаратистов — из-за работы, из-за пожилых родственников, чтобы защитить свои дома или предприятия, — проявляют некоторую сдержанность.

Диме, волонтеру, которого несколько месяцев продержали в Луганске, эта часть Украины показалась другой страной: «Все какое-то серое. Люди не гуляют — выходят, только если им надо куда-то по делу. Там ничего не происходит. Работы нет, одни старики».

Люди из Донецка и Луганска, с которыми я говорила, были довольно дружелюбны. Ирина, пепельная блондинка с ярко подведенными глазами, прижимала к себе двух крошечных собак (третью пришлось оставить, на нее не было нужных документов). Ирина из Горловки, города в ДНР. В 2017 году она наконец решилась переехать в неоккупированную часть области рядом с Бахмутом. Ее дом разрушили в начале года. «Мы потеряли все дважды», — говорит она.

Ее отец умер в прошлом году, и Ирина недавно вернулась в Горловку в надежде уговорить мать уехать. Но та отказалась покидать могилу мужа. Неудачная попытка договориться с матерью мучает Ирину. «Я хотела все исправить», — говорит она дрожащим голосом. Она смотрит вдаль и старается не плакать, хотя слезы все равно текут и размазывают макияж. «Мне 52, — говорит она. — Мне страшно опять все начинать сначала. И я не понимаю, как мне это удастся. Я только плакать могу, стыд просто».

За субботу, которую мы провели с волонтерами, в Краснополье было 14 взрывов. Один человек погиб, и шестеро пострадали. В воскресенье российские дроны атаковали Сумы. Потом россияне внезапно закрыли переход. Телеграм-каналы беженцев наполнились тревожными переговорами. Но через несколько дней граница открылась, и через нее опять потек печальный ручеек людей.

Автор: Уэнделл Стивенсон

Оригинал: *This narrow, rocky path is the last open route between Russia and Ukraine*. *The Economist / 1843, August 22, 2023*

Перевод: Вера Нифлер

© 2023, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com